

Глава первая

1819 год

Чарльз Линдон правил своим легким и стремительным фаэтоном «Хайфлаер».

Эта четверка лошадей была лучшей из тех, на которых Чарльзу когда-либо доводилось ездить.

Фаэтоны этой модели становились все популярнее среди молодых повес при Сент-Джеймском дворе, и Чарльз с гордостью владел своим, который приобрел сразу же после возвращения из рядов оккупационной армии во Франции.

Посадка у этого фаэтона была достаточно высокой, а управлять им было очень и очень нелегко, особенно когда он был запряжен четверкой лошадей.

Задние колеса имели в диаметре невероятные пять футов и восемь дюймов, а дно кузова находилось в добрых пяти футах от земли.

Чарльз полагал, что это самый спортивный экипаж, каким только может обладать джентльмен. Стремительный и красивый, он как будто был

создан для того, чтобы лететь стремглав, но для управления им требовались недюжинная сноровка и отчаянная смелость. Впрочем, помимо столь несомненных достоинств, наличествовали и недостатки, к числу коих относилась возможность несчастных случаев, которые нередко становились фатальными.

Но этот элемент дополнительного риска лишь горячил кровь молодых повес, что таило в себе особое очарование.

Кстати, фаэтоны «Хайфлаер» вызывали восхищение не только у джентльменов. Неслыханная высота модели позволяла светским модницам с презрением взирать сверху вниз на пешеходов.

У Чарльза Линдона никогда не возникало необходимости смотреть на кого-либо сверху вниз, он и так прекрасно осознавал собственную значимость и положение.

Вернувшись с войны, он, вне всяких сомнений, стал самым привлекательным, самым изысканным и самым популярным среди всех молодых щеголей, собирающихся в клубе «Уайт».

Собственно говоря, он завоевал Лондон приступом.

Вернувшись из Франции с двумя наивысшими наградами за храбрость от герцога Веллингтона, он стал самым молодым командиром крупного войскового соединения в Британской армии.

Герцог столь лестно отозвался о Линдоне в разговоре с принцем-регентом, что отныне Чарльз стал постоянным гостем в Карлтон-хаусе.

Кроме того, он был невероятно богат — покойные отец и мать оставили ему огромное состояние.

И в довершение ко всему, он считался предполагаемым наследником своего дяди, графа Линдонмора, который вот уже несколько лет серьезно недомогал, но тем не менее ухитрился дотянуть до шестидесяти пяти лет.

Короче говоря, Чарльз Линдон был видным молодым человеком с прекрасными перспективами.

Большинство друзей обожали Чарльза и подражали ему. Но, разумеется, были и такие, кто завидовал ему и ревновал его. Особенную досаду у них вызывал успех Чарльза у первых красавиц общества, обычно именуемого «*Beau Monde*», что по-французски означает «высший свет».

Завистники называли его «*призрачным пэром*».

Чарльз делал вид, что прозвище забавляет его, хотя на самом деле оно лишь изрядно раздражало его.

Целый год после возвращения из Франции он предавался в Лондоне бездумному веселью и бесконечным празднествам. В его объятия готовы были броситься не только опытные замужние и вдовы дамы, его также преследовали и все

достопочтенные матроны, имеющие дочек на выданье.

Славящиеся своей красотой жрицы любви — группа куртизанок, или иначе киприоток, названных так в честь Афродиты, — пребывали в это время в особом почете. Не имея права посещать балы, которые устраивало для своих членов высшее общество, эти любовницы состоятельных джентльменов проводили свои собственные гламурные вечеринки. Не было ничего удивительного в том, что Чарльз пользовался оглушительным успехом у самых прелестных, талантливых и популярных киприоток.

Собственно говоря, жизнь его стала беззаботной и, пожалуй, слишком идеальной. Временами Чарльз ловил себя на том, что скучает и жаждет душевных волнений и неожиданных приключений, наподобие тех, что случались с ним на войне.

Именно поэтому, приближаясь к возрасту двадцати восьми лет, он решил, что настало самое подходящее время сочетаться браком.

Он владел одним из самых роскошных особняков в Англии.

Поместье Линдон-холл в графстве Беркшир принадлежало его семье еще с семнадцатого века.

Старый дом был снесен, а пока возводился новый, граф Линдонмор перебрался в Нортумберленд, где, по его мнению, рыбалка и охота на шотландских куропаток были наилучшими в стране.

Таким образом, фамильный особняк он передал своему брату, отцу Чарльза.

Чарльз вырос в Линдон-холле и любил поместье больше всего на свете.

Постройкой нового особняка руководил величайший архитектор того времени — Роберт Адам.

Его гений формировался в школе архитектурной мысли, берущей свое начало от эпохи итальянского Возрождения. Поскольку главными ценностями этого направления были строгий персональный стиль и упорядоченность, то в предшествующие годы это сочетание привело к появлению в Британии большого числа исторических домов и построек.

Однако Роберт Адам был современным архитектором, предпочитавшим традициям несколько более свободный и смелый подход. Его девизом стала не строгая точность, а развитие и движение.

И в Линдон-холле он блестяще воплотил свой замысел, придумав величественную лестницу с плавными изгибами, уникальный мраморный холл необыкновенной красоты и купол, который выглядел наиболее впечатляющим среди себе подобных.

В законченном виде дом стал больше, красивее и импозантнее любого дворца.

Приняв какое бы то ни было решение, Чарльз всегда стремился как можно скорее претворить его в жизнь.